

Алтайские правды
г. Барнаул

30.08.1987

«ТЕАТР — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ»

Более сорока лет на сцене краевого театра драмы играет народный артист республики Д. Паротиков. Ему исполнилось 60. Наш корреспондент встретился с артистом.

— Дементий Гаврилович, хотелось бы начать с детского воспоминания. Ребяtinки с нашей улицы очень любили театр и... футбол. И вот однажды рядом на трибуне мы увидели группу молодежи. Был там человек, хорошо помню, в белых парусиновых туфлях и элегантно макинтоше. Мы зашептались: «Смотрите, артист!». На каких лет достегла сейчас весточка?

— Полагаю, из начала пятидесятых. У нас был завод — актер Сабинин, и мы хаживали на футбол, а еще в бильярдную рядом со стадионом. Да, был тогда молодым, но не новичком в театре. Меня зачислили в труппу в 1943 году. Все было сложно: «болел» сомнениями, неверием в себя, в свой выбор.

Мы в то время благоговели перед нашими кумирами, стоя за кулисами, следили за их игрой. Однажды пришла страшная мысль: «А если я к солидному возрасту так, как они, не смогу, останусь актером «на выходах»?». Уже зрело решение уйти куда угодно, токарем, например, которым я, кстати, мальчишкой работал на заводе «Металлошприц». Как-то, поделившись своими сомнениями со Знаменской (это была прекрасная актриса, мудрая женщина), услышал: «Ну, дорогой мой, вам никто не скажет точно, получите ли вы актер или нет. Это от вас зависит. Надо много работать, наблюдать жизнь и смотреть людям в глаза».

— Когда же наступил перелом в сомнениях?

— Когда поручили роль Володи Ульянова в спектакле «Семья» по пьесе Попова. Меня освободили от другой работы, ездил в Москву, ходил в музей Ленина, много читал. Появилась вера в свои силы. Пришло понимание, что в театре не надо мельтешить, нельзя позволять себе размагничиваться.

— Немного непонятная арифметика получается: 60 лет и 44 года. Возраст и актерский стаж...

— Все понятно — мальчишкой пришел устраиваться на работу в электроцех театра, увидел за кулисами актеров (шла генеральная репетиция «Ревизора»), а потом, когда объявили набор в молодежную студию, из семидесяти шести поступающих оказался в тройке счастливых. Начались занятия — стал участвовать в массовках, пошел стаж, и понял, что моя жизнь наполняется чем-то очень значимым.

— Зная вас давно, смею сказать, что вы человек с характером. А об актерах обычно думают, что это легкие, контактные люди...

— Очень завидую тем, которые легко знакомятся. У меня этого дара нет, видимо, потому, что в мальчишеские годы страдал от своей стеснительности. Стеснялся, что на экзамен в студию пришел в ситцевой рубашке и в хатинных брюках. В них и ходил целый год. Нас, троих сыновей, мама растила без

отца. Всегда робел перед ролями классического репертуара, считая, что внешность та. Сложно сжиться с людьми, это в работе мешает. Но трудно все-таки с людьми неинтересными, необязательными. А если завязалась дружба — стараюсь хранить бережно.

— Что для вас театр?

— Вопрос и сложный, и простой... Это моя жизнь, это мой второй дом. А может быть, и первый, потому что я здесь нахожусь больше. Для меня уход в отпуск — всегда мука, с нетерпением жду начала сезона.

— За столько лет много ролей сыграно. Какая для вас стала ролью — потрясением, и какая — неудачей?

— Конечно, самая дорогая для меня — роль Ленина. Сыграл ее достаточно давно и всегда жалею: не успел внести в образ то, что узнал позже о Владимире Ильиче. Особенно после того, как получил с автографом брошюру Е. Стасовой, стенограмму ее выступления на партийно-хозяйственном активе в Ленинграде.

Из других ролей... В числе первых — Виктор в «Машеньке» Афиногенова. Работа была мучительной и интересной. Потом — мучущийся, ищущий свое место в жизни герой спектакля «В добрый час» Розова. Я купался в этой роли, чувствовал «аромат» материала.

Очень люблю Григория Мелихова в «Тихом Доне». Вторая часть... Финал... Всегда с волнением произносил его последние слова. Еще — Кречинский.

Успехи или провал? Иногда трудно объяснить, от чего они. На репетициях «Ивана Рыбакова» мне казалось, что летаю от чувства удачи. Все плохо хорошо, а потом был жестокий провал. Или «Иду на грозу». У меня характерная роль Агатов, а зрители его воспринимают как комедийного персонажа. Злился долго, не любил эту роль.

— Дементий Гаврилович, мне бы хотелось еще раз вернуться к разговору о характере. Актер в жизни может быть пессимистом или юмористом, добрым и не очень, умным и... тоже не очень. Сказывается ли это на сцене?

— От себя не уйдешь. Возьмем крупных наших мастеров — Смоктуновского, Ульянова, Яковлева, Волкова. В каких бы они спектаклях ни играли — русская, зарубежная классика, современная драматургия — их человеческая индивидуальность все равно видна. Смотришь: Смоктуновский — Астров. Актер включился во внутреннее пространство героя, в психологический рисунок роли, но мы все видим личные черты мастера.

Если из моего опыта... Я как-то в тайне от всех — с гримером, с парикмахером — готовил Силана в «Горячем сердце»: борода, усы... Иду по коридору на сцену — никто не узнает. Ну, а на самой сцене меня хватило минут на пять, чтобы до конца «пе-

ревоплотиться». А как повел роль дальше... Все равно это Паротиков!

— У вас есть какой-то свой «ритуал» выхода на сцену?

— Он у всех разный. Я не знаю, что значит прийти на спектакль за 15—20 минут. На спектакли о Ленине я появлялся в театре за два с половиной часа. И перед выходом на сцену не признаю никаких бытовых разговоров. Нужно побыть одному.

— Мы здесь вспоминали молодость. А как сейчас живете в вашем театре молодежи?

— Можно, скажу сначала о минусах? Ей мешает излишняя самоуверенность: «Я все могу». У нас как-то один новичок категорически отказывался играть в сказке, заявив: «Я не для того учился, дайте Гамлета». Но есть и хорошее. Они, молодые, все «приведены к единой вере» — у них есть уже школа актерская, которая помогает режиссеру и актеру «понять и сговориться». Уровень образованности высокий. Наш коллектив принимает молодежь с открытой душой, им довольно быстро дают главные роли.

— Вы и ваши коллеги в творческих муках создаете роли, на сцене — умная, способная молодая смена, а как с интересом зрителей к театру? Вам не кажется, что он падает?

— Падает, к сожалению. Причин тому много. Одна из них — репертуарная политика. Отбирали, отбирали для нас спектакли «наверху», а мы отсеивали, отсеивали... Мы ведь как профессионалы лучше чувствуем и знаем, что зрителю интереснее. Скажите, легко ли играть в «навязанном» спектакле? Ведь в зале чуть-чуть понимают нашу настрой. Все это порождает равнодушие. Сейчас начались изменения, но идут они не так активно, как хотелось бы, процесс перестройки в театре должен нарастать быстрее.

— Это одна причина. А сколько режиссерских новаций было у нас за последние двадцать лет? Наверное, помните: в 50—60-х годах открывается занавес — и зритель аплодирует. Уже сами декорации вводили в атмосферу спектакля. А потом ушло искусство сценографии, ушла театральность... Появились холодные, металлические конструкции, голая сцена. Потом актер «потерялся» — так много стало музыки, света, сценический круг вертится... Эффекты есть, а жизни нет. И это зрители «оценили» — стали реже к нам ходить. Проблема проблем — как оживить в них интерес к театру.

— Я вижу, вы уже посматриваете на часы, приближается время репетиции...

— Мы сейчас интенсивно работаем над спектаклем «Последние» по пьесе Горького. Посвящается он 70-летию Октября. Я играю Ивана Коломийцева. Роль сложная, идет через преодоление. Забрал все свои другие дела. Волнение хватает. Ведь это мой любимый Горький — великий мудрец.

Беседу вел
Л. КОШКАРЕВА.